АСЯ КЕФЭ

ГОРОД УСНУВШИХ ЖЁН

Ася Кефэ
Город уснувших жён

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73519326
SelfPub; 2026

Аннотация

Алена уверена, что проблема в ней: слишком много слёз, криков и обид.

Антон, ее муж, считает, что делает для семьи слишком много, но не чувствует благодарности, и в нем начинает расти чувство раздражения. По совету общих знакомых он обращается в странный центр и покупает для Алены программу в элитном центре. В этом месте женщину обещают сделать идеальной женой.

Но очень быстро оказывается, что Алена человек с сильным умом, и системе нужна от неё совсем другая роль…

Содержание

Глава 4
Конец ознакомительного фрагмента. 108

Город уснувших жён

Глава

Настоящая книга является художественным произведением. Имена, персонажи, предприятия, организации, места и события, не являющиеся всеобщим достоянием, являются плодом воображения автора. Любое сходство с реальными людьми, живыми или умершими, является совершенно случайным.

Пролог

Все чего-то хотят от жизни. Кто-то честно говорит: денег. Кто-то – любви. Кто-то – «просто тихого семейного счастья», как будто это что-то простое, вроде чая с лимоном. Но если слушать людей внимательно, почти всегда за этими словами стоит одно и то же желание: чтобы стало не так, как сейчас.

Чуть лучше. Чуть спокойнее. Чуть справедливее. Чуть больше похоже на кино, книжку, чужую ленту в соцсетях – не важно. Главное, чтобы «по-другому».

И очень быстро оказывается, что «по-другому» почти все-

гда означает: пусть изменится кто-то другой, но не я. Муж – станет мягче, внимательнее, щедрее, дома пораньше, на работе не так занят. Жена – перестанет кричать, жаловаться, требовать, будет вдохновлять, улыбаться, ждать с ужином и пониманием. Ребёнок – вырастет послушным и благодарным, но при этом самостоятельным и успешным. Родители – перестанут наседать со своими советами. Мир – перестанет давить.

И тогда где-то всплывает надпись: «Мы не ломаем, мы помогаем. Мы только слегка поправим».

Как будто человек – текст, а жизнь – черновик, который можно отдать на вычитку:

устранить орфографию, зачеркнуть лишние сцены, переписать пару диалогов – и готово, счастливый финал.

Редко кто задумывается, что любая правка имеет цену, что каждое «исправление» одного человека делается за счёт чьей-то свободы, что за каждым «наконец-то он (она) стал нормальным» стоит чья-то несказанная боль, прикушенный язык, проглоченный крик.

И никто заранее не знает, какая цена будет у выхода.

В тот вечер, когда в одной кухне полетела тарелка, а в другом месте мужчина налил себе виски и сказал: «Я сделал всё, что мог, больше не могу так», —несколько людей одновременно поверили, что нашли свой выход.

Они ещё не знали, что чужое счастье – штука опасная. Оно плохо лежит в руках, плохо хранится, плохо поддаётся переработке.

И что табакерка, созданная для чужого счастья, часто захлопывается в самый неожиданный момент —как раз тогда, когда кому-то кажется, что он наконец-то всё предусмотрел.

Выход есть всегда, но это не значит, что он ведёт туда, куда мы хотим.

Глава 1

Вам когда-нибудь приходилось швырять посуду в стену?

Если да – вы точно знаете, что посуда летит сначала тихо. И только потом – резкий, пронзительный звон, который делит время на до и после. Так начинается война. Не с крика – с легкого дребезга фарфора, с короткого выдоха, с паузы, в которой кто-то ещё может промолчать. Теоретически.

– Тебе трудно было позвонить? – голос Алены звучит взвинченно.

Антон снял пальто и почувствовал, как к горлу поднима-

ется неясное раздражение. В прихожей пахнет супом. Домашний запах. Запах, в который возвращаться всё тяжелее.

– Я писал, – отвечает он, не глядя. – У меня встреча затянулась. Ты видела.

– Видела, – говорит Алена. – В половине девятого. Фото со стейком и красным вином.

Антон закрыл глаза на секунду. Да, фото было лишним. Партнеры, сделка, ресторан, привычный жест: «Зафиксировать победу». Он не подумал, что в это время двое детей носятся по дому, Яна плачет, у Матвея температура, а Алена стоит над плитой с телефоном в руке.

– Это был бизнес-ужин, – говорит он и слышит, как фальшиво это звучит.

– Бизнес-ужин, – повторяет Алена и, наконец, повышает голос. – А дома что, благотворительный фонд? Я сегодня с четырёх часов сдерживаю Матвея, чтобы он не полез на подоконник, у Яны истерика, потому что в садике кто-то порвал её рисунок, у меня голова раскалывается, а ты… бизнес…ужинаешь. С фоточкой.

Она говорит «фоточкой» так, как будто это диагноз. Он

чувствует, как начинает закипать, хотя ещё полчаса назад обещал себе проглотить, не спорить, не срываться.

– Алена, – он входит на кухню, – я работаю. Я не с друзьями в баре. Я не в бане. Я…

– Ты в своём мире, – перебивает она. – В мире, где я – обслуживающий персонал, а дети – мебель. Тебе трудно было вернуться хотя бы к девяти? Ты обещал отвезти Яну в кружок. Она сидела в куртке у двери час. Опять. Ты вообще помнишь что-то?

Да, он помнит. Помнит, как смахнул уведомление на телефоне. Но память – не оправдание, это ещё один камень на шею.

– Я не мог вырваться, – он упрямо держит линию. – Там были люди, от которых зависит…

– Наш дом? – Алена дергает плечом. – Наши поездки? Твоя новая машина?

Он замечает пустую кастрюлю на плите, недопитый чай на столе, остывшую детскую кашу. Детские ложки лежат криво, как после штурма. На стуле – крошечные джинсы, детские вещи, сваленные в кучу. На подоконнике – фломасте-

ры, один без колпачка, оставил сиреневое пятно, похожее на синяк.

– Ты даже посуду не помыла, – вырывается у него.

Слова мгновенно повисают в воздухе, как выстрел.

Алена поворачивается к нему медленно. В глазах – тот самый блеск, который он боится больше всего. Не слёзы – стекло.

– Посуду, – повторяет она. – Антон, я сегодня с семи утра на ногах. Я везла Яну в сад, отвозила Матвея к врачу, потом в аптеку, потом готовила, потом стирала. И да, я не помыла посуду. Прости меня, бог бизнеса.

Он сжимает кулаки. Где-то в комнате хлопает дверца шкафа – Яна. Она всегда прячется в шкаф, когда взрослые начинают говорить громче. Матвей, скорее всего, давно уснул, свернувшись калачиком в своей кроватке, обнимая пластмассовую машинку.

– Не переводи, – Антон чувствует, как раздражение поднимается, как прилив. – Я говорю об элементарных вещах. Дом как после взрыва. Я прихожу с работы, где я пашу, чтобы у вас было всё. У тебя есть помощники, есть уборщица,

есть няня. Я не понимаю, в чём проблема. В том, что я всё тащу на себе, чтобы вам было хорошо – ничего не делая? Ты…

– Д- да, знаю. Я должна встречать тебя с борщом и улыбкой, да? В идеальной комбинации брендов за твой счёт? – она подошла ближе, – тебе жалко даже просто быть дома вовремя.

– Я не обязан отчитываться каждую минуту, – рявкает он. – Я не мальчик.

– А я не рабыня, – отвечает она. – Но почему-то у меня ощущение, что я должна отчитываться о каждой чашке.

Она резко ставит тарелку в раковину. Звук получается слишком громким, и тарелка раскалывается пополам. Осколок отскакивает, падает на пол. Яна вскрикивает из комнаты.

– Молодец, – говорит Антон сквозь зубы. – Вот действительно, элементарно? Просто не кидать посуду. Не орать при детях. Не превращать дом в…

– В тюрьму, – перехватывает она. – Он уже давно тюрьма, Антон. Только сидим в разных камерах. Ты – со своим телефоном, я – с этими тапками и соплями.

Они смотрят друг на друга через раковину. Между ними – осколки тарелки, брызги соуса, вода.

– Ты всё время кричишь, – он уже не сдерживается. – Всё время. Я прихожу – и сразу попадаю под обстрел. Ты когда-нибудь вообще говорила спокойно? Без обвинений?

– Когда ты последний раз просто был дома? – кричит она. – Не с телефоном, не с ноутбуком, не с новостью о том, что «опять задержусь»? Ты видишь детей? Ты знаешь, что у Яны появился страх темноты? Почему? Потому что она рассказывает сказки сама себе, потому что отец, который обещал читать на ночь, всегда где-то там, на встречах.

– Не манипулируй детьми, – он делает шаг вперёд. – Это низко.

– Низко? – она смеётся, коротко, почти беззвучно. – Низко – это когда ты ставишь меня в положение просительницы. Я должна быть благодарна за то, что ты иногда вспоминаешь их имена.

Он чувствует, как внутри что-то рвётся. Фразы, которые он никогда не осмелился бы подумать вслух, выталкивают злость.

– Ты знала, за кого выходила, – бросает он. – Ты хотела «успешного», «сильного», «амбициозного». Вот, получи. Успешные мужчины не сидят дома, уткнувшись в мультики.

– Успешные мужчины хотя бы видят, что у их жены нет ресурса, – шипит она. – Что она одна тянет троих. Да, троих, Антон. Ты вёл себя как третий ребёнок последние два года.

– Если тебе так плохо, – он почти не понимает, что говорит, – никто не держит. Вон дверь. От тебя толку все равно никакого. Жена никудышняя, хозяйка тоже.

Алена замерла. На секунду в её глазах мелькает что-то, очень похожее на облегчение. А потом – что-то другое: холодная решимость.

– Развод, – повторяет она. – Хорошо. Я подумаю. Только давай честно: ты правда веришь, что сможешь жить один? Сам с собой?

Он чувствует, как его бросает в жар. Это уже не разговор, это обстрел по больному.

– Я устал, – выдавливает он. – Я устал от скандалов, от претензий, от того, что ты превращаешь любую мелочь в тра-

гедию. Я прихожу домой – и вместо дома у меня фронт. Я… – он сглатывает. – Я просто хочу тишины.

– Тишины, – тихо повторяет она. – Тогда, наверное, тебе пора в отель.

– Знаешь что, – он резко берёт свои вещи, – я действительно поеду.

Яна появляется в дверях, босая, в розовой пижаме с зайцами. Губы поджаты, глаза огромные.

– Папа, – говорит она тихо. – Ты куда?

Антон встречается с ней взглядом и на секунду застопоривается. Хочет подойти, обнять, но Алена стоит, как пограничный столб. И в нём что-то ломается в другую сторону – в сторону бегства.

– Я ненадолго, Яночка, – он пытается улыбнуться. – Мне нужно… по делам.

– В ночь? – спрашивает она серьёзно, как взрослая.

Он отворачивается.

– Ложись спать, – говорит Алена дочери. – Папа занят. У него бизнес.

Антон хлопает дверью так, что дрожит стекло в раме.

В машине не холодно, но руки трясутся – от адреналина, от сдержанного крика, от того, что он опять сделал всё не так. Он включает зажигание, но не трогается сразу. Сидит, уставившись в тёмные улицы элитного посёлка: одинаковые дома, одинаковые заборы, ни одного живого окна.

«Я просто хочу тишины», – вспоминает он собственные слова и усмехается. В машине тише, чем дома. Но это не та тишина.

Телефон вибрирует. На экране – сообщение от Алены:

«Не забудь, что у тебя есть дети. И что тебе есть что терять».

«Сука. Какая же ты сука. Это тебе есть что терять. Забыла уже, как рыдала, чтобы я не сделал так же, как Влад, – чтобы не лишил жену всех прав… Неблагодарная, ничего не помнит. Я же всё ей дал. Дом, детей, поездки, курорты, шмотки. Неужели нельзя просто не выносить мне вечером мозг?..»

Мысли неслись с бешеной скоростью, захватывая его всё

больше.

Он смахнул уведомление и запустил двигатель. Музыка включилась слишком громко, он тут же её убавил.

«Может, правда лучше развестись? – мелькнула мысль. – Поделим всё пополам, алименты, расписание с детьми. Я буду приезжать по воскресеньям, как нормальные отцы. И тишина».

Но за этой мыслью – другая, с визгом тормозов в голове. Бизнес. Дом, записанный когда-то на неё. Тогда он и представить не мог, что их «идеальные отношения» превратятся в ад.

«А если она специально провоцирует меня, – вдруг приходит в голову, – чтобы я подал на развод и лишился всего, что создал?»

От этой мысли в животе всё свело.

«Хрен тебе. Не на того напала. Я и раньше подстраховывался, а сейчас тем более. Постараюсь собрать всё, чтобы тебе фиг что досталось. Будешь официальные алименты с моих ста тысяч получать – и ни в чём себе не отказывай. Посмотрим, как ты потом будешь петь про своё рабство. Рабы-

ня, блин… всем бы такое рабство».

Он с силой вдавил педаль газа и, выехав со двора, нажал кнопку – автоматические ворота медленно сомкнулись за его спиной.

До московской квартиры он долетел за полчаса. Сна не было.

Он с силой пытался переключить мысли от дома на что-то нейтральное. Открыл чат мужского бизнес-клуба: те, кто ещё не спал, обсуждали очередную встречу. Кто-то скидывал фото сигар, кто-то – бутылку редкого виски. Обычный мужской утешительный мир: «мы все в одной лодке, брат».

Хорошо, что Артём, товарищ по клубу, часто приходил на помощь в ночи, когда ему не спится. Хоть есть с кем поговорить.

Телефон зазвонил почти сразу.

– Привет. Ну раз отвечаешь на звонок – значит, ночуешь опять в Москве. Как ты, брат, живой? – голос Артёма звучал бодро. – Завтра клуб, не сливайся, будешь?

Антон улыбнулся в полумраке комнаты.

– Мне сейчас вообще нужен бар с анестезией, а не просто посиделки, – ответил он.

– О, всё будет в лучшем виде: виски, сигары, мужская психотерапия.

– Буду. У меня дома опять цирк.

– Я уже понял. Что-то он часто стал повторяться, твой цирк. Ладно, дружище, завтра расскажешь. Пойду, а то у меня тут ещё кое-какие дела, – Артём многозначительно хмыкнул, давая понять, что он не один.

Антон иногда завидовал Артёму. Успешный, дерзкий, бабы табунами ходят, а он улыбается, никому не отказывает. А чего он когда-то туда полез, Антон так и не понимал. Вернее, понимал: тогда ему казалось, что Алена – единственная женщина, которая может его понять…

Да уж. Видимо, это было очень давно. А может, это ему просто казалось.

Антон положил телефон на стол. В груди пусто и тяжело одновременно. Он знает, что завтра вечером всё равно придёт в клуб. Потому что дом стал местом, куда возвращаться страшнее, чем идти на переговоры с самым сложным клиен-

том.

Он проваливается в тяжёлый сон, как человек, который слишком вымотался, – так, что никакие переживания уже не могут раскачать его на красивый и приятный сон.

Глава 2

В лаунже на последнем этаже было тепло и полутемно: приглушённый свет, бархатные кресла, панорамные окна, за которыми Москва сияла, как чужая жизнь из рекламного ролика.

Определённая стабильность в изменяющемся и вечно спешащем мире – мужское бизнес-сообщество в пятницу вечером.

Это был не тот клуб, куда можно «подписаться по ссылке в шапке профиля». Сюда не водили экскурсии и не продавали годовые карты по акции. Вход – только по рекомендации. Одна ошибка с человеком – и тот, кто привёл, тоже автоматически вылетал из орбиты.

Список участников нигде не висел. Никаких отметок в соцсетях, никаких «я в таком-то клубе, мечта сбылась». Если кто-то и хвастался принадлежностью, то шёпотом, за закрытой дверью, тем, кто и так понимал, о чём речь.

За длинным столом говорили негромко. Фоном играл старый джаз – не попсовые подборки из кафе, а пластинки, которые кто-то здесь действительно любил: саксофон, немного хриплый голос, лёгкая усталость в каждой ноте. Музыка не забивала собой воздух, а как будто обтекала разговоры, делала их вязкими и интимными.

Обсуждали не только деньги. Хотя и деньги, конечно, тоже:

– «Ты на новый тендер заходишь?»

– «С налогами что, душат или отпустили?»

– «Нам там одного зама поменяли, теперь всё через его секретаршу решается».

В промежутках перескакивали на другое:

– на охоту, яхты, новые машины,

– на школы, в которые «все хотят, но не всех берут»,

– на врачй, у которых реально лечат, а не делают вид.

Иногда проскальзывало и более интимное:

– у кого жена решила «поискать себя» и уехала на Бали,

– у кого партнёр тихо вынес полкассы,

– у кого «проблемы» с детьми.

Новые лица тут появлялись редко. Если кого-то приво-

дили, то для остальных это уже был знак: человек прошёл некий невидимый фильтр. Сначала – личный, у того, кто его тащил. Потом – общий: один-два вечера в роли «наблюдаемого объекта», когда его как бы не допрашивали, но слушали каждое слово: как он говорит о деньгах – с жадностью или с уважением, как о семье – с презрением, жалостью к себе или с нормальной усталой иронией, как о людях ниже по статусу – сквозь, сверху или всё-таки по-человечески.

Те, кто пытался зайти с понтами, долго не задерживались. Здесь не впечатляли ни фамилии на обложках журналов, ни рассказы о «девочках, которые сами вешаются». Здесь ценили другое: умение держать удар, не ныть и не врать хотя бы на этом квадратном метре пространства.

Клуб жил по своим негласным правилам. То, что говорилось за этим столом, оставалось за этим столом. Можно было признаться в том, чего не скажешь партнёрам, жене, иногда даже самому себе: в страхе обанкротиться, в зависти к более успешным друзьям, в том, что хочется всё бросить и уехать в деревню. Можно было признаться в измене и не получить моральной лекции. Максимум – пару шуток и прямой вопрос:

– «Тебе легче стало, нет?»

Иногда здесь бывали «громкие» люди, но в этих стенах фамилии обесценивались. Все становились просто мужиками, которые по пятницам спасались от собственного успеха – от его побочных эффектов: бессонницы, адреналиновой зависимости, ломки по контролю.

Антон любил это место именно за это: здесь можно было снять костюм «идеального хозяина жизни» и остаться тем, кто он есть на самом деле – уставшим, злым, иногда растерянным.

Антон вошёл сегодня позже остальных. Виски в бокалах уже плескался, сигары дымили, смех стоял густой, уверенный, чуть усталый. Мужчины разговаривали так, как будто у всех всё отлично, и только иногда в паузах между шутками выползало: «задолбался», «опять ссора», «да, брат, держись».

– О, живой, – Артём первым заметил его, поднялся навстречу. —Я уж думал, тебя там кастрюлей добили.

Антон усмехнулся:

– Пока только словом. Но это, знаешь, больнее.

Кто-то рядом засмеялся. Кто-то стукнул его по плечу –

не по-доброму, а по-своему, мужским одобрением: «Ты ещё держишься, значит, свой».

Антон взял бокал, сделал большой глоток. Виски ожёг горло и медленно потёк вниз, раскручивая внутри тугой узел.

– Ну что, рассказывай, – Артём откинулся в кресле, устроился рядом. – Как твой домашний сериал называется на этой неделе? «Брак. Сезон 3. Новые серии»?

– «Ад подмосковный», – отрезал Антон…

– Ага, – Артём кивнул. —Опять тарелки, мат, слёзы?

– Тарелка была, – Антон ухмыльнулся краем рта. – Разлетелась красиво, как в кино. Дети, естественно, всё слышали. Я говно. Она жертва. Дом – тюрьма. Ну, классика жанра.

– Кто первый начал? – лениво спросил кто-то с другого конца стола.

– Посуда, – ответил Антон. Мужики заржали.

– Ладно, – Артём поднял ладонь. – Шутки шутками. Что там реально? Ты как? Ты в прошлый раз говорил, что уже

на грани.

Антон помолчал, глядя сквозь стену дыма на огни города. Обычно он не любил расшаркиваться про личное. Но сегодня внутри всё и так было наружу – после кухни, смс Алены, бешеного монолога в машине.

– Я заебался, – сказал он просто. – По-другому не скажешь. Я прихожу домой – и меня встречают не люди, а претензии. Всё неправильно. Всегда. Я либо мало работаю, либо много. Либо мало дома, либо слишком часто с телефоном. Я не помню, когда в последний раз зашёл и просто… сел. Без разборов полётов.

– Ну так заведи себе вторую жизнь, – фыркнул кто-то. – Как нормальные люди. Есть семья, есть запасной аэродром. Душа отдыхает.

Артём посмотрел на того, потом на Антона.

– У него уже был аэродром, – сказал он. – И не один.

– Было дело, – Антон пожал плечами. – Не помогло. Это не аэродром, это так… – он поискал слово, – зарядка телефона. На ночь. Наутро всё равно разряжается.

– А я думал, ты с этой… как её… – Артём щёлкнул пальцами. – Которая у тебя полгода висела на хвосте. Ресницы, сиськи, вот это всё. Мне казалось, ты прям ожил.

Антон хмыкнул.

– Я и ожил. На время. Это было… знаешь… – он сжал и разжал пальцы, – как вспомнить, что ты ещё живой, что с тобой можно говорить не про подгузники и кружки. Чтобы не забыть, как это вообще делается.

– А подружка? – не отставал Артём. – Она-то что? Я помню, как ты приходил, глаза горели, как у студента.

– Подружка решила, что если я её трахаю, то это автоматически даёт ей абонемент на место жены, – отрезал Антон. – Стала предъявлять: «ты обещал», «ты говорил», «ты уйдёшь от неё»… Я ей честно сказал: у меня двое детей, большой дом и бизнес. Я не собираюсь всё это взрывать ради чужих ресниц. Она обиделась. Ушла. Нашла себе другого.

– И правильно, – кто-то вставил. – Тут главное – не путать физкультуру с любовью.

Снова смех. В нём было и облегчение, и какая-то общая мужская усталость. Все за этим столом так или иначе прохо-

дили через версии одного и того же: жена/бывшая/любовница/дети/адвокат/психолог.

– Слушай, а Алена знает про ту? – спросил Артём тише, повернувшись к нему боком.

Антон посмотрел на него:

– Если и догадывается, то молчит. Мы же приличные люди, у нас свои игры. Она не задаёт лишних вопросов, я не выкладываю грязь на стол. Хотя при желании она могла бы найти всё, конечно. Женщины, если хотят, находят.

– Женщины всё чувствуют, – отозвался кто-то. – Просто иногда делают вид, что нет.

– Ну, – Артём повёл плечом, – значит, Алена тоже не святая. У тебя ж звоночки были.

Антон фыркнул:

– У меня был звонок один. В виде фотки из клуба какого-то, где она с подружками, шампанское, танцы. Потом её стошнило в два часа ночи, я забирал её из туалета. Больше она не экспериментировала. Ей проще сделать вид, что она жертва. Роль выучена.

Он услышал в собственном голосе горечь и понял, что устал даже от самого себя.

Артём немного помолчал, крутя бокал в пальцах.

– Ты развод всерьёз рассматривал? – спросил он наконец.

– Сегодня – да, – честно сказал Антон. – В машине ехал и думал: ну его нахер. Развод, алименты. Я буду приезжать по воскресеньям, дарить подарки, делать фоточки «мы с Яной на катке», Алена будет рассказывать всем, какой я тиран и как она героически выживает. И тишина. По крайней мере дома.

– И что остановило? – Артём внимательно на него посмотрел.

Антон пожал плечами:

– Бизнес. Дом. Бабки. Ну давай честно. Я не готов отдавать половину того, что вытащил. И ещё… – Я не хочу, чтобы какой-то хер потом жил в моём доме и воспитывал моих детей.

Артём кивнул:

– Вот. Ты не первый, кто в этом месте тормозит. Мы все тут такие: любим, как умеем, но когда дело доходит до «заберите у меня половину», любовь тут же упирается в калькулятор.

– Цинично как-то, – хмыкнул кто-то сбоку.

– Жизненно, – парировал Артём.

Он сделал глоток, поставил бокал, посмотрел на Антона почти трезвым взглядом – тем самым, деловым.

– Смотри, – сказал он. – Ты пробовал любовницу. Не зашло. Пробовал психолога. Не зашло. Дрался, мирился, делал второго ребёнка «для скрепления семьи» – стало только хуже. Сериал «всё плохо, но мы держимся». Вопрос: ты чё-нибудь вообще менял по-настоящему? Или просто латал дырки?

Антон криво усмехнулся:

– Я работал. Бизнес поднимал. Это тоже как бы «что-то делал».

– Это другое, – Артём махнул рукой. – В бизнесе ты мо-

жешь менять партнёров, стратегию, офис, рынок. А в семье ты тасуешь одни и те же карты и удивляешься, почему всё время выпадает «шесть бубей».

Он наклонился чуть ближе.

– Есть ещё один вариант, который ты не пробовал.

Антон закатил глаза:

– Только не говори мне про йогу, ретриты и мужские круги с бубнами. Я не буду танцевать голым в лесу и кричать «я чувствую свою внутреннюю мать».

Мужики заржали так, что бармен повернул голову.

– Спокойно, – Артём поднял ладони. – Я тебя знаю. Никаких бубнов. Я про… одно место. Элитный санаторий. Так его называют те, кто там был. Формально – центр для пар. Но на самом деле для жён, если честно. Они туда заезжают на программу, выезжают… другими.

– Сектантчина какая-то, – сразу сказал Антон. – Промывание мозгов за бабки, спасибо.

– Если бы, – Артём фыркнул. – В секту бы я свою Лену

не отдал. У неё и так мозги на месте. Просто… были постоянно направлены на то, чтобы воевать со мной. А там… их перенастроили.

– Зомбировали, – вмешался кто-то с улыбкой. – Пульт тебе вручили? Кнопки «тише», «улыбайся», «не ной»?

– Почти, – усмехнулся Артём. – Только пульт – это я сам. Понимаешь, Антоха, в чём фокус? Меня там никто не трогал. Я как жил, так и живу. Машина, бизнес, клуб, бары, виски. А дома… другой климат. Лена перестала со мной бодаться за каждое слово. Перестала устраивать предъявы за мои «сегодня задержусь». Она… переключилась с роли прокурора на роль… ну… жены, что ли. Женщины.

Антон скептически посмотрел на него:

– Это ты сейчас красиво так рассказываешь. А по факту? Что, реально: отправил жену в санаторий – и она вернулась мягким котёнком? Не смеши.

Артём пожал плечами:

– Я тебе не обещаю котёнка. Моя Лена не котёнок, она кошка. С когтями. Просто теперь она не сдирает ими мне лицо каждый вечер.

Он на секунду задумался и добавил:

– Слушай, я ж тебя знаю. Ты ненавидишь, когда тобой манипулируют. Я бы не стал тебе это впаривать, если бы не видел на своих глазах. И не только на Лене.

– То есть у тебя целый клуб бывших психованных жён? – хмыкнул Антон. – Которых отвезли в чудо-санаторий, там им промыли мозг, и теперь они подают ужин в неглиже и молятся на мужа?

– И это тоже, – кто-то подмигнул.

Вокруг снова засмеялись, но в глазах нескольких мужчин мелькнуло что-то вроде интереса. Тема «исправленных жён» цепляла.

– Короче, – Артём снова повернулся к Антону, – хочешь – считай, что я несу хрень. Хочешь – просто послушай. Когда у нас с Леной начался наш ад, я тоже думал: ну всё, развод. Я не готов ходить домой, как на казнь. И тут один старый знакомый, который обычно говорит мало, сказал мне про это место. Не на правах рекламы, а так, по-тихому. Мол, «я свою жену туда возил, не пожалеешь». Я посмеялся. Прям как ты сейчас. «Что, типа лагерь перевоспитания жён?» А потом… мы поехали в гости.

– В гости? – повторил Антон.

– Да. Это у них обязательная часть, – кивнул Артём. – Никто не забирает бабу силой, не тащит в наручниках. Сначала ты приходишь в дом к тем, кто уже прошёл программу. Сидишь, ешь, смотришь. Разговариваешь. И либо ты видишь, что там что-то настоящее, либо – что всё показуха. Если показуха – никто тебя не тащит дальше.

Он сделал ещё глоток, чуть помолчал.

– Я пришел. Обычная квартира. Обычная пара. Только… не так, как у нас. Не война. Она… Она была… спокойная. Не клуша, не кукла. Просто… – он поискал слово, – на своём месте. И муж тоже.

– И ты, конечно, поверил, – с иронией сказал Антон.

– Я поверил не им, – спокойно ответил Артём. – Я поверил себе. Я увидел, что можно жить иначе. Не в соплях, не в угрозах, не в вечном «ты меня не уважаешь». И понял, что либо я сейчас попробую, либо потом всё равно окажусь у адвоката. Только уже без вариантов.

Он секунду молчал, вертя бокал.

– Ты знаешь, за что ты зацепился тогда, с той девкой? – тихо спросил он. – Не за сиськи. Ты зацепился за чувство, что с тобой опять можно по-человечески. Что ты не только банкомат и скотина. Ты просто забыл это чувство.

Антон молчал. Слова залетели внутрь, как дым, и повисли там.

– И что, – наконец произнёс он, – ты предлагаешь мне сделать что? Отправить Алену в… этот санаторий? Типа: «дорогая, ты не в себе, я тебя быстренько починю»? Да она меня убьёт.

– Поэтому я и не предлагаю тебе начинать с этого, – спокойно сказал Артём. – Я предлагаю тебе… поехать в гости. Ко мне. На выходных. У нас будет ещё одна пара – Саша и Катя. Они тоже из тех, кто прошёл программу. Сядем, поедим, поболтаем. Ты посмотришь. Без вывесок, без буклетов, без «запишитесь на курс». Просто на людей. На то, как они живут. Если тебе покажется, что это театр – забудем. Если внутри хоть что-то дрогнет – дальше будешь сам решать.

Антон долго смотрел в свой бокал. Лёд растаял почти полностью, оставив только холод.

– А если это реально секта? – спросил он. – Ну, мало ли. Сейчас этих «центров» развелось, как собак. Худшее, что можно сделать – сдать туда женщину и потом разгребать.

– Поэтому ты никого никуда пока не сдаёшь, – терпеливо повторил Артём. – Ты просто едешь в гости. Как нормальный человек. К нормальным людям. Посмотреть. Ты же бизнесмен, чёрт возьми. Ты не вкладываешься, не посмотрев. Вот и тут так же.

Кто-то за столом вставил:

– Да езжай ты к нему уже. Хуже всё равно не будет. Максимум – нажрётесь и поймёшь, что у всех одинаково хреново.

Смех.

Антон усмехнулся, но внутри у него что-то шевельнулось. Злость на Алену никуда не делась. Страх за бизнес – тоже. Но за всем этим вдруг обозначился ещё один слой: усталость. Та самая, от которой хочется просто выключить свет и выйти хоть куда-нибудь, где не кричат.

– Ладно, – выдохнул он. – Допустим. Выходные я всё равно не хочу проводить дома. Поеду. Посмотрю на твоё счастье

под наркозом.

– Вот и договорились, – Артём усмехнулся.

Антон улыбнулся.

Где-то в глубине уже щёлкнул маленький механизм. Едва слышно. Как будто кто-то действительно приоткрыл крышку невидимой табакерки и шепнул:

«Посмотри внутрь. Там чужое счастье. Может, захочешь такое же».

Он допил виски, откинулся в кресле и впервые за долгие месяцы позволил себе странную роскошь – представить, что когда-нибудь он войдёт в дом и его там будут ждать не с приговором, а просто так. Без «ты опять», без «ты должен», без крика.

А пока – мужской клуб, дым, алкоголь и разговоры, в которых можно, не стесняясь, назвать свою жизнь тем словом, которое он сегодня уже произносил вслух: Домашний Ад.

Глава 3

Ворота перед его машиной открылись плавно, как в ре-

кламе загородной жизни.

Чужой подмосковный посёлок мало отличался от их с Аленой: те же аккуратные газоны, те же одинаковые фасады с индивидуальностью «по каталогу», те же камеры на каждом углу.

Дом Артёма стоял в глубине улицы, чуть в стороне от остальных. Подсветка по периметру, на крыльце – пара деревянных стульев и огромный горшок с чем-то зелёным, аккуратным и явно недешёвым. Красиво. Сразу видно: здесь живут те, кто умеет зарабатывать и тратить.

Антон заглушил двигатель, посидел секунду, глядя на дом.

Дверь открылась ещё до того, как он успел нажать кнопку звонка.

– Ну здравствуй, герой семейного фронта, – Артём стоял в дверях в джинсах и чёрной футболке, босиком. На удивление домашний. – Проходи. Лен, у нас гость!

Из кухни донёсся женский голос:

– Сейчас, сейчас!

Антон вошёл, машинально оглядываясь. Прихожая без

хаоса. Никаких гор детских ботинок, разбросанных по углам. Всё по местам. На вешалке – пару строгих мужских курток, аккуратно висящее пальто Лены, где-то ниже – детская курточка, но тоже на крючке, а не на полу.

С пола на него смотрел большой золотистый ретривер и словно лениво вздохнул: «Ну заходи, раз пришел».

– Это Бакс, – пояснил Артём. – Единственный, кто в этом доме сразу четко знал границы. Ну и еще ест, спит, любит. Три кита здоровой психики.

Они прошли в гостиную. Там всё тоже было «как на картинке», но почему-то не раздражало. Светлые стены, серый диван, пара мягких кресел, большой стол у окна. На столе – уже накрыто: тарелки, салат, что-то запечённое в духовке, маленькая вазочка с живыми цветами. Ничего вычурного, но видно, что этим местом занимаются.

Лена вышла им навстречу: высокая, ухоженная, с этой особой «московской» внешностью, когда непонятно, где кончается генетика и начинается косметолог. Сейчас она была в джинсах и мягком свитере, почти без макияжа. И выглядела… спокойно.

– Привет, – она подошла, поцеловала Антона в щёку – лег-

ко, по-свойски. – Давненько не виделись. Как ты?

В вопросе не было ни сочувственной жалости, ни любопытства. Просто нормальный человеческий интерес. Антон вдруг поймал себя на том, что напрягся – ждал скрытого укола, и не получил.

– Топчусь потихоньку, – ответил он привычно. – Хорошо выглядишь, помолодела, я давно тебя не видел, —добавил он комплимент. Но он был искренним, Лена действительно посвежела и была очень мягкой, домашней, с ней хотелось просто посидеть рядом, наполниться этим спокойствием.

– Ой, ну тебя, но спасибо, – Лена улыбнулась. – Проходи, располагайся. Через полчаса приедут Саша с Катей. Ты как, поесть – сразу или подождём всех?

– Как скажете, хозяйка, – отозвался Антон.

– Хозяйка скажет, что голодных мужчин держать без еды – преступление, – откликнулась она. – Так что хоть закусить можно и сейчас.

Артём, проходя мимо Лены, незаметно, но очень естественно коснулся её талии. Та не отдёрнула, не напряглась – просто как будто чуть опёрлась на его руку. Мелочь, но Ан-

тон почему-то это заметил.

«Сыгранная парочка», – язвительно отметил внутренний голос. «Или правда так живут», – вмешался другой.

– Ну что, – Артём плеснул ему вина. – Располагайся. У нас сегодня формат «домашнее интервью». Ты смотришь, задаёшь вопросы, делаешь выводы. Никто никого не агитирует. Если что-то не нравится – говори прямо.

– А если нравится? – уточнил Антон.

– Тогда помолчи, – хмыкнул Артём. – И запоминай.

***

Саша с Катей приехали минут через двадцать. Вошли вместе, как люди, привыкшие быть парой: не держась за руки, но двигаясь в одном ритме.

Саша был чуть старше Антона – под сорок пять. Спокойное лицо, короткие волосы с сединой на висках, внимательные глаза. Таких обычно описывают словом «надёжный», и это слово на нём сидело.

Катя… Антон невольно отметил – красивая. Не модельная красота, не инстаграмные губы, а что-то более мягкое.

Волосы собраны в небрежный хвост, простое платье, почти ничего лишнего. Взгляд – прямой, без суеты. И тоже спокойствие, которое шло от Лены.

– Это Антон, – представил их Артём. – Тот самый, про которого я тебе говорил.

– Здравствуй, «тот самый», – Катя улыбнулась. – Можно без отчества?

– Обязательно без, – Антон пожал ей руку.

– Отлично, – она улыбнулась. – Мы стараемся без формальностей.

Они расселись за столом. Лена что-то принесла из кухни, Саша открыл бутылку вина, Артём поставил музыку потише. Разговор сначала потёк по безопасным руслам: работа, дети, школы, дороги. Смеялись, поддакивали, бросали короткие реплики.

Антон всё это время краем глаза наблюдал. Как Катя накладывает Саше на тарелку, не спрашивая каждый раз «тебе этого? а этого? точно?». Как он протягивает ей салат, не делая из этого «рыцарский жест», просто по инерции. Как Лена смотрит на Артёма, когда он перебивает кого-то – не с

обидой, а с лёгким предупредительным сигналом, после которого он сам отходит на полшага.

Не было ни показной нежности, ни этой липкой сладости, которой иногда покрывают трещины. Было… норм. И это «норм» Антона бесило и цепляло одновременно.

– Ну что, – после второго бокала Артём кивнул в сторону Саши и Кати, – расскажете, как вы тут оказались? А то я же не могу за вас всё отдуваться, он подумает, что я это место придумал.

– «Место», – повторил Антон. – Как будто про кладбище говорим.

Саша усмехнулся:

– В каком-то смысле, – сказал он, – так и есть. Там умирает одна версия брака и появляется шанс на другую. Если, конечно, кто-то ещё жив к этому моменту.

Катя посмотрела на него быстро, с тёплой иронией:

– Началось, – сказала. – Сейчас Саша включит философа.

– А ты расскажи по-простому, как ты это видела, – пред-

ложила Лена. – Помнишь, какая ты приехала?

Катя задумалась на секунду, глотнула вина.

– Я приехала… – медленно начала она, – уверенная, что меня привезли насильно. Что я идеальная жена, а муж – мудак, который не умеет ценить. Что я всё делаю правильно, а он всё делает неправильно. Что если бы он изменился, у нас было бы всё как в кино.

Она улыбнулась уголком губ.

– И ещё я была уверена, что там мне скажут: «бедная девочка, тебя не понимают, ты всё делаешь правильно, муж козёл», – и мы с психологом будем хором это обсуждать. А получилось… слегка по-другому.

– Слегка? – уточнил Антон.

– Ну да, – Катя посмотрела на него. – Там в первую неделю мне объяснили, что я веду себя как контролирующая мать, а не как жена. Что я выбираю слабых мужчин, чтобы потом мучиться, что они слабые. Что я залезла Саше в голову, кошелёк, график и в трусы, и при этом считаю себя жертвой.

Она сказала это спокойно, без вызова, будто факт из ме-

дицинской карты.

Антон фыркнул:

– И ты такая: «ах да, как же я сама не догадалась, сейчас всё исправлю», да?

Катя усмехнулась:

– Нет. Сначала я три дня рыдала и писала заявления.

Она подняла глаза на Сашу.

– А ещё я смотрела на своего мужа по видеосвязи и понимала, что если я сейчас свалю, то мы просто вернёмся в тот же ад, только уже без надежды. А я, как выяснилось, очень хочу надежды.

Антон перевёл взгляд на Сашу:

– А вы чего хотели, когда её туда отправили? Тихую, послушную, с отключённым языком?

Саша чуть улыбнулся:

– Я хотел перестать жить с человеком, который мной

управляет, а делает вид, что спасает. И при этом не разводиться. Я трус, – откровенно добавил он. – Я не хотел делить детей, деньги и дом. Я хотел, чтобы «оно само как-то наладилось». А оно не налаживалось. И когда мне сказали, что есть вариант, при котором кто-то поможет нам вылезти из этого болота, я схватился.

– То есть вы её туда сдали, – не удержался Антон.

– Я себя туда тоже сдал, – спокойно ответил Саша. – Только в другой форме. Потому что если ты соглашаешься на то, что с твоей женщиной будут работать, ты автоматически соглашаешься и на то, что что-то придётся менять в себе. Иначе это не работает.

Антон усмехнулся:

– Красиво говорите, – сказал он. – Прямо как в буклете.

– Буклеты у них так себе, – заметила Лена. – Там половину не понять, пока сам не вляпаешься.

Артём вмешался:

– Антоха, ты не обязан это жрать, – сказал он. – Ты вообще можешь считать, что мы тут все сектанты и сумасшед-

шие. Вопрос один: ты в том, как у тебя сейчас, хочешь жить дальше? Или уже нет?

Тишина повисла на секунду, как пауза перед ответом в суде.

Антон посмотрел в бокал, потом на людей за столом. Две пары. Четыре человека, которые, судя по рассказам, уже прошли свой ад и теперь сидят здесь, едят салат и обсуждают свою жизнь так, словно это не позор, а опыт.

«Они тоже когда-то швыряли тарелки», – неожиданно подумал он. – «И тоже думали, что так будет всегда».

– Я не знаю, – сказал он честно. – Я не вижу, как жить дальше так же. И не верю, что кто-то снаружи вдруг сделает нам хорошо. У меня аллергия на чужие рецепты счастья.

Катя кивнула:

– На них у всех аллергия, – сказала она. – Пока не начнёт по-настоящему болеть.

Лена посмотрела на Антона в упор:

– Антош, давай так, – мягко сказала она. – Никто не бу-

дет тащить Алену насильно никуда. Ты знаешь, как она отреагирует, если ты просто бросишь ей: «тебе надо в санаторий». Поэтому сейчас речь не про неё. Речь про тебя. Ты можешь взять контакт, можешь не брать. Можешь через полгода вспомнить, когда совсем припрёт. Или никогда не вспомнить. Мы не на презентации. Мы просто показываем тебе, что есть ещё один вариант, кроме «терпеть» и «развестись».

Антон поймал её взгляд. Он был не продажным, не умоляющим, не давящим. Просто взрослый человеческий взгляд человека, который уже видел, как это всё разваливается.

– А как это вообще выглядит? – спросил он. – Деньги, сроки. Я ж практичный.

Саша усмехнулся:

– Деньги – немалые. Сроки – от месяца до трёх, в зависимости от программы. Форма одежды – такая, в которой удобно рыдать и злиться.

Он серьёзно посмотрел на Антона:

– Но если ты надеешься, что жена вернётся оттуда куклой, то не надейся. Это не про «выключили мозг». Это про «включили мозг, который был выключен годами». Иногда

это страшнее.

– Прекрасно, – фыркнул Антон. – То есть я ещё и рискую получить обратно человека, который скажет: «я всё поняла, ты мне не подходишь, до свидания».

– Да, – честно сказала Катя. – Такой риск есть. Там не делают «удобных жён». Там помогают людям увидеть, во что они вляпались. Иногда после этого реально расстаются. Иногда – собираются.

Она чуть улыбнулась:

– Но если ты честно смотришь на то, что у вас сейчас, – у вас и так всё к этому идёт.

Эта фраза попала точно туда, где у Антона тонко. В ту самую точку, где вчера звенела посуда и дрожали руки.

Он откинулся на спинку стула, вдохнул поглубже. Воздух пах едой, вином и было что-то ещё – непривычной для него тишиной между людьми.

– Ладно, – сказал он. – Давайте так. Вы мне дадите телефон человека, который там всем этим рулит. Я не обещаю ничего. Не обещаю, что повезу жену туда завтра, не обещаю, что вообще повезу. Но… пусть будет.

Артём кивнул, как человек, который ждал именно этой фразы:

– Вот, – сказал он и протянул листок.

– Странно, – пробормотал Антон. – Я думал, вы мне сейчас QR-код пришлёте или визитку дизайнерскую, с золотым тиснением.

– Это не тот бизнес, который рекламируют в инете, – спокойно сказала Лена. – Здесь всё по-старому, тут всё для своих. Если ты выбросишь этот листок, значит, тебе это не так надо.

Антон взял листок и сунул в карман джинсов.

Он не мог понять, какое ощущение сейчас перевешивает, чувствует ли он что-то не настоящее, поддельное. Все казалось спокойным и надежным. Но у него возникло легкое чувство опасения, но он решил просто отложить это до следующего раза. А пока он поймал себя на мысли, что впервые за долгое время не думает о том, как Алена сейчас сверлит его глазами через кухонный стол. И он думает о том, как выглядит дверь в место, где чужое счастье чинят за деньги. И о том, что будет, если он туда постучится.

Глава 4

Когда за Антоном закрылась дверь, дом на секунду затих, как сцена после последней реплики. Смех, который звучал во время ужина, растворился, словно его и не было.

– Нормальный парень, – сказал Саша, потянувшись за бутылкой. – Такой… системный.

– Угу, – Артём кивнул, не особенно вслушиваясь. – Сложный. Но вполне рабочий.

Катя усмехнулась, взяла со стола пустую тарелку:

– «Рабочий», – передразнила она мягко. – У вас это слово как диагноз.

Лена уже собирала посуду, двигаясь быстро и точно. За ужином её движения были мягкими, почти незаметными; сейчас в них появилась деловитость и четкость.

– Кофе кому-нибудь? – спросила она по инерции.

– Мне нет, – Катя поморщилась. – Если выпью, потом не усну до трёх.

Она встала, чуть покачнулась, опёрлась о спинку стула.

– Ладно, мы, наверное, поедем, – Саша посмотрел на часы. – Завтра с мелким в секцию рано.

– Давайте, – Артём поднялся, хлопнул его по плечу. – Спасибо, что подъехали.

Катя обняла Лену – коротко, словно между ними было давно отрепетированное движение поддержки.

– Ты как? – шепнула Лена на ухо.

– Нормально, – ответила Катя так, как отвечают люди, которые давно знают: «нормально» – это когда просто не разваливаешься на части прямо сейчас.

Артем вышел проводить гостей на улицу.

Катя шла к машине какой-то неуверенной походкой. Саша поддерживал ее под руку, бережно посадил в машину, вернулся к Артему.

—Спасибо за вечер, мы не часто сейчас выходим в люди, ты же понимаешь, показывать Катю сейчас я могу только тем, кто в курсе, а таких очень мало.

—Понимаю, —произнес Артем, —Как она?

–Ну ты же видишь сам… когда ничего, а когда совсем… Я иногда думаю, какую я ее любил? Той, живой, импульсивной или эту болезненную спокойную женщину, которая мягко улыбается, глядя на меня и опирается на мою руку, когда идет к машине…

—Но ты же сам хотел, чтобы она такой была. Ты же четко прописал все нюансы, все форматы поведения….

—Прописал, —грустно вздохнул Саша, —да я и не жалуюсь. Все хорошо, просто иногда скучаю по той взбалмошной Катьке, которая могла сорваться в клуб среди ночи и собрать вокруг себя шумную компанию таких же ненормальных, как и она.

—Нам постоянно все не так, —улыбнулся Артем.

—Это точно…, ладно, поехали мы. Береги себя, а то тое выглядишь не айс.

—Спасибо, отдых никому не мешает, —ответил Артем, а сам подумал, что как же они все ошибаются, когда думают, что можно кого-то исправить и быть в этом счастливым. Может счастье совсем в ином… только вот в чем….

Дверь машины хлопнула. Катя высунула голову:

– Сашенька, поехали уже, милый, я домой хочу.

– Сейчас, Катюша, – отозвался он.

Повернувшись, он на секунду задержал взгляд на Артёме:

– Кате я сегодня на ночь дозу увеличу, – сказал он как о погоде. – Опять день тяжёлый.

– Какие сейчас? – спросил Артём, хотя знал ответ.

– Те же, – пожал плечами Саша. – «Стабилизация». Доктор же сам назначал. Мы просто придерживаемся протокола.

Он говорил это спокойно, без вопросов. Как будто протоколы были чем-то вроде правил дорожного движения: не нравится – но иначе никак.

Когда машина Саши и Кати скрылась за поворотом, Артём ещё минуту стоял на крыльце, слушая, как в тишине посёлка гаснет звук мотора.

Когда он зашел обратно, ему показалось, что дом словно

выдохнул и почувствовал себя спокойней.

– Ну что, как прошло? Думаешь он созреет? – проговорила Лена, забирая со стола последний бокал Антона.

Артём прислонился к косяку, скрестил руки на груди.

– Знаешь, мне его жалко даже. Я же его давно знаю. Он раньше… живой был…, – сказал он. – Заебавшийся, но живой с классикой жанра: мама-королева, жена-прокурор, герой-спасатель посередине. А сейчас он словно разваливается.

Лена хмыкнула:

– У тебя такие клинические формулировки.

– С кем поведешься…, – он посмотрел на неё с полуулыбкой.

Она не ответила. Протянула ладонь к телефону, лежавшему на подоконнике. Пальцы двигались быстро, уверенно – как у человека, который много раз набирал один и тот же номер.

Артём почувствовал, как внутри что-то едва заметно на-

пряглось. Он знал этот жест. Знал, что сейчас будет не разговор про школу детей и не запись к косметологу.

– Ты кому? – спросил он буднично, хотя прекрасно знал ответ, так происходило всегда после очередных подобных посиделок.

– По работе, – так же буднично ответила Лена. И нажала на трубку.

Она развернулась спиной к нему, облокотилась о стол. Голос изменился не резко – чуть-чуть: стал собраннее и… внимательнее.

– Добрый вечер, – сказала она в трубку. – Это Лена. Да. Он был у нас сегодня.

Пауза. Дом притих, словно ожидая, что скажут еще.

– Взял номер, – продолжила Лена. – Реакция… нормальная. Саша и Катя в связке отработали хорошо, я довольна. Подробный отчет по его состоянию у вас на почте, отчет по встрече пришлю завтра. Я думаю, он придёт скоро.

Она слушала ответ, иногда коротко кивала, хотя на том конце никто этого не видел.

—Да, я понимаю. – Её голос стал ещё мягче, почти ласковым. – Спасибо. Хорошего вечера.

Она отключилась медленно, словно не хотела обрезать связь резко. Положила телефон на стол, накрыла его ладонью, как крышкой.

– Отчиталась? – спросил Артем, стараясь, чтобы прозвучало шутливо.

Лена повернула голову. На мгновение в глазах мелькнуло что-то острое, потом она привычно смягчила взгляд.

– Да, – кивнула. – Спасибо, ты мне очень помог сегодня.

Он усмехнулся:

– Помог… еще одного втянуть в систему… – странная помощь, но я рад, что ты довольна. Твое спокойствие важно для меня, —добавил он ровно.

—Артем, не начинай. Это работа, и я делаю ее хорошо—спокойно отозвалась она, но в голосе зазвучал металлический холодок. —Ты же знаешь, там не любят сюрпризов.

«Знаю, слишком хорошо знаю», – отозвалось у него.

– И что там… решили? – он сделал вид, что интересуется поверхностно.

– Ничего пока, – пожала плечами Лена. – Сказали «наблюдать». Ты знаешь, как это бывает. Сначала он должен сам дойти до точки. Мы можем только мягко подталкивать.

«Мы, – повторил он за ней про себя, —Мы в ее фразах звучит только когда они работают, —грустно подумал он.»

– Пойду проветрюсь, – бросил он. – Сигару докурю.

– Иди, – легко согласилась Лена. – Только не на веранде, там плед чистый.

Он вышел на улицу. Прошел чуть по дорожке в небольшую беседку, где стояло кресло. Воздух был влажным, пах мокрой землёй и хвоей. Он закурил сигару, глядя на освещённые окна соседских домов. В одном из них, на втором этаже, мелькнула женская фигура. Ему показалось, что она держит телефон возле лица – силуэт, не более.

«Все куда-то звонят по вечерам, – подумал он. – Кто-то подругам, кто-то маме, а моя…».

Он затянулся, прислушиваясь к себе. Когда-то мысль о том, что Лена в этой системе не просто клиент, а часть механизма, его успокаивала: «она на своем месте, ее ценят, работа ей нравится». Сейчас в этом же самом была тень: если она часть, то он кто?

Где-то внутри, между затяжками, мелькнула тихая мысль:

«А если я остановлюсь? Если скажу ей: хватит. Мы выходим из этой игры?»

Он тут же оттолкнул её. Слишком много всего на этом «игра» держалось: дом, связи, проекты, возможность в любой момент позвонить и решить чужую катастрофу одним звонком, за что, собственно, его ценили и звали в стоящие проекты с высокой маржинальностью.

Он докурил сигару, затушил её о край пепельницы и вернулся в дом.

Лена уже закончила с посудой, переоделась в домашние штаны и мягкий худи. Сидела на диване с ноутбуком на коленях, что-то печатала. На столике рядом лежал блокнот с аккуратными записями.

– Рабочие моменты? – спросил он, кивая на ноутбук.

– Ага, – не поднимая головы, ответила она. – Пара анкет, пара отчётов.

Он опустился в кресло напротив, смотрел, как бегают её пальцы по клавиатуре. Когда-то эти пальцы принадлежали только ему – теперь ещё и им, «там».

– Слушай, – сказал он, не выдержав. – Ты уверена, что… всё это единственный вариант? Для всех?

Она подняла взгляд. В её глазах не было раздражения – только внимательность, та самая, за которую он когда-то её и полюбил.

– Ты сейчас про Антона, про нас или вообще? – спокойно спросила она.

– Вообще, – он пожал плечами. – И про нас, и про них тоже.

Лена немного подумала, закрыла ноутбук.

– Я уверена в одном, – произнесла она. – В большинстве случаев люди сами не могут вылезти из того, что они себе устроили. Они будут ходить по кругу до бесконечности –

орать, бить посуду, изменять, убегать на работу или в вино, ходить к психологам, но результат один – никакого результата и ты это прекрасно знаешь.

Её голос был мягким, но твёрдым.

– И если есть система, которая может хоть как-то структурировать этот хаос и снизить ущерб – я считаю, что это лучше, чем ничего.

Она посмотрела прямо:

– Тебе же стало проще после программы. И мне тоже.

– Стало, – согласился он. – Но иногда мне кажется, что… – он словно искал подходящие слова, – что мы живём по чьим-то правилам, которые никто из нас не писал.

– Мы согласились, – напомнила она. – Это не то же самое.

Он хотел спросить: «А если кто-то передумает?», но сдержался. В воздухе уже и так было достаточно сказанного.

– Ладно, – он поднялся. – Я спать.

– Иди, – Лена снова открыла ноутбук. – Я ещё допишу пару строк.

Поднимаясь по лестнице, он поймал себя на мысли, которую тут же отогнал:

«Если я когда-нибудь решу выйти из этого круга – у меня вообще есть для этого дверь?»

Он не стал искать ответ. В их мире вопросы без ответов не поощрялись.

Внизу, на диване, Лена снова набрала номер.

– Привет, – энергично произнесла она, – как твой день прошел?

Он уже не прислушивался. У всех своя жизнь, свои звонки и свои спальни.

Дом стоял тихо и безупречно ровно, как декорация, которая будет ждать следующего представления.

Глава 5

В посёлках, в которых большие дома и ровные дорожки, говорят, что у каждого здесь – психотерапевт, а у каждого второго— антидепрессанты. И если супруги на людях выглядят довольными и спокойными— значит на антидепрессантах оба.

Валентина была исключением: антидепрессантов и психолога у нее не было, у нее было… таро.

– Я для себя, – всегда отмахивалась она. – Ну максимум для своих. Посторонних не беру, мне эта куча чужого говна ни к чему.

«Своими» Алена считалась уже второй год. Они познакомились на детской площадке, куда мамочки поселка прохаживались как на дефиле: свое и своих отпрысков. Такая своего рода ярмарка тщеславия, где каждый обязан соответствовать стандартам поселка и образу жизни.

– Приходи вечером, – написала Валя после того, как Алена скинула ей голосовое: «он охренел».

Алена сидела за широким дубовым столом на кухне Валентины и в который раз с каким-то внутренним восхищением рассматривала её.

Это не было тем, что она хотела бы себе буквально. Но тут было так комфортно и уютно, несмотря на огромные пространства, что каждый раз внутри что-то оттаивало. Всё вокруг Валентины напоминало замок, а она сама – как золотоволосая Рапунцель, только без страданий: сидела в своей

башне и управляла всем – домом, детьми, мужем, расписанием ремонтов, отпусков и прививок.

Кухня была сердцем этого замка. Огромный камин с живым огнём, печь с разноцветными изразцами, старый, но отполированный временем буфет, тяжёлые шторы на окнах. Всё это так органично вписывалось в современность – встроенная техника, кофемашина, идеальная подсветка, – что казалось, здесь не один раз прошлись дизайнеры, а кто-то годами выстраивал это под себя.

– Я каждый раз в твоём доме чувствую себя в замке, – выдохнула Алена, обводя взглядом камин и изразцы. – И знаешь, честно могу сказать: я тебе завидую. Как тебе так удаётся… вот это всё?

Валентина облокотилась на стол, подперев подбородок рукой. Длинные светлые волосы были небрежно собраны в пучок, из которого всё равно что-то красиво выбивалось – как будто у неё даже хаос был стилизованный.

– В смысле, «вот это всё»? – она чуть улыбнулась. – Камин, изразцы или муж, который платит за камин и изразцы?

– Всё сразу, – Алена махнула рукой в сторону окна, где за стеклом виднелась идеально подстриженная изгородь, дет-

ская площадка и кусок бассейна. – Дом, кухня, бассейн, няня, график… И при этом ты не выглядишь замученной. Ты как будто… – она поискала слово, – как будто реально в своём месте.

Она вздохнула.

– А я как будто постоянно не дотягиваю до этого светлого образа идеальной жены.

Валентина взяла с подоконника чашку с чаем, сделала глоток, посмотрела на неё поверх края.

– Смотри, – начала она спокойно. – У нас с тобой очень разная стартовая точка. Я выходила замуж по расчёту. У меня муж уже был с деньгами, когда мы поженились. Не олигарх, но… ты видишь. Я его уважаю, не мешаю жить так, как он привык и как он хочет. А за это получаю то, что имею. Все довольны.

Она усмехнулась.

– А ты вышла замуж по любви, когда твой Антон только начинал свой бизнес. В этом вся разница.

– Ты сейчас скажешь, что секрет в том, чтобы «поддерживать и вдохновлять», да? – скептически бросила Алена. – Я это слышала тысячу раз.

– Нет, – Валентина покачала головой. – Секрет в том, что я очень рано поняла: если я хочу жить так, – она обвела рукой помещение, – мне надо принять правила этой игры. Не эти сраные марафоны женственности из Инстаграма, а наши с ним правила. Он зарабатывает, он принимает решения по деньгам. Я – делаю так, чтобы ему хотелось возвращаться домой. Я не взрываю ему мозг, не лезу с допросами почему он поздно приходит. И да, я изображаю бесконечную радость и счастье, потому что он ценит спокойствие дома и моё хорошее настроение.

Она помолчала и продолжила:

– Но я за это тоже плачу.

– В смысле? – удивилась Алена.

– В смысле, – Валентина постучала пальцем по столу, – здесь тоже всё как везде.

Она улыбнулась криво:

– Бывает, что я хочу его убить, и, если честно, думаю, что и он тоже. Но у нас есть негласный договор: мы никому не показываем свою войну. Ни детям, ни соседям. Это тоже часть сделки.

Алена помолчала.

– То есть ты хочешь сказать, что я… неправильно воюю? – спросила она.

– Я хочу сказать, – аккуратно произнесла Валентина, – что ты всё время воюешь там, где можно хотя бы иногда включать мозги. Ты кидаешься в драку сразу, без плана. Ты даёшь ему боеприпасы: крики, истерики, посуду. Потом удивляешься, что он стреляет в ответ.

Она посмотрела прямо:
– Я не идеал, но я просто научилась считать ходы.

Алена криво усмехнулась:

– Ну да. Ты у нас местная Рапунцель-стратег. Сидишь в башне и тянешь за ниточки.

– Да, – не споря, согласилась Валентина. – Лучше так, чем бегать по кругу с криками «все мужики козлы» и поставить под угрозу всю свою жизнь. Ты что думаешь, ты одна тут такая? У всех скелетов хватает: у кого-то муж от любовниц не выползает, у кого-то на несколько домов живёт, кто-то реальный извращенец. Но бабы сидят и помалкивают, изображая «мы счастливы», потому что знают: на их место много желающих.

– И что, теперь всё терпеть и улыбаться? – криво усмехнувшись, спросила Алена.

Валентина чуть подалась вперёд:

– Ален, ты же не глупая вроде. Ты очень не глупая. Так чего ты дуру полную сейчас включаешь? Хочешь, как у Анджелы – чтобы на помойку и детей отобрали? У тебя просто вся энергия уходит в войну. А могла бы – в план.

– План чего? – устало спросила Алена. – Развода? Мести? Побега в замок к принцу?

– Плана Б, – спокойно ответила Валентина. – На случай, если план А – «я ору, он терпит, мы вместе до гроба» – не сработает.

Она накрутила прядь волос на палец:

– У меня есть план Б. И даже С. Не потому, что я боюсь, а потому что я не хочу быть зависимой идиоткой, которая останется у разбитого корыта, если вдруг ему моя улыбка покажется слишком приторной.

Алена всмотрелась в неё:

– И как выглядит твой план Б?

– Договорённости. Бумаги. Схемы. И да, люди, которые умеют защищать таких, как я.

Она усмехнулась:

– Включая одну очень специфичную даму, к которой я тоже когда-то ходила за советом. Таро – это красиво, но иногда тебе нужен не расклад, а расчёт.

Алена наклонилась вперёд, будто боялась пропустить слово.

– Ты же мне раньше про это ничего не говорила, – тихо заметила она.

– Потому что ты приходила ко мне плакать, а не строить планы, – мягко ответила Валентина. – Ты хотела, чтобы я сказала: «бедная, бедная, он тебя не ценит». Я и говорила, иногда. Но дальше этого ты не шла.

Она прищурилась:

– Ты, кстати, по всем уже известным психологам прошлась?

– По всем, – вздохнула Алена.

– И что, все говорят, что ты могла быть более внимательной к своему мужу?

– Угу. Если и не прямо, то это звучит в каждом взгляде и слове, – удручённо подтвердила Алена.

– И ты, естественно, считаешь, что они все под очарованием и обаянием твоего мужа и желают тебе зла?

– Ну не совсем так прямо, но реальной помощи от них нет.

– А тебе надо было, чтобы они подтвердили, что он козёл, а ты жертва? – Валентина склонила голову. – Нет, подруга. Для всех ты – стерва, а он жертва. Пашет на благо дома, а какая-то сучка жопу свою со стула не может поднять, чтобы сделать то, что просит муж. Например, чай заварить.

– А ты откуда знаешь? – растерянно произнесла Алена.

– Откуда, откуда… на кухне вашей подслушивала, – Валентина фыркнула, увидев, как округлились глаза Алены, и затем засмеялась, – Ну ты и правда дурой иногда бываешь, причём полной. Это же азбука, Ален.

Она потянулась к полке, взяла колоду.

– Ладно. Давай карты посмотрим, что там они тебе советуют.

Алена на секунду задумалась. К картам она относилась странно: не верила и одновременно боялась. Как в детстве – не верила в бабайку, но всё равно накрывала голову одеялом.

– Давай, – выдохнула она. – Только без этой эзотерической херни «ты сама всё притянула». Я это и без тебя знаю.

Валентина достала колоду, неторопливо перемешала, давая Алене время передумать. Шуршание карт странно успокаивало.

– Формулируй, – сказала она. – Не «что будет», а «что мне важно понимать про эту ситуацию».

Алена вздохнула:

– Что мне важно понимать про Антона и про нас. И про то, что мне делать дальше, – добавила быстро, как будто боялась, что если не скажет, ответ не придёт.

Валя кивнула, разложила несколько карт полукругом, потом выбрала три и положила перед Аленой.

– О, классика жанра, – хмыкнула она, глядя на рисунки. – Король мечей, Десятка жезлов, и, та-дам, Башня.

Она подняла взгляд на Алену.

– Твой мужчина сейчас в режиме «я всё знаю, я всё решу, я самый умный, я головой думаю». На самом деле он просто устал тащить то, что сам на себя навешал. И всё это уже трещит по швам.

– Приятненько, – пробормотала Алена. – А я?

Валя перевернула ещё пару карт.

– А ты… – она прищурилась, – у нас тут Королева мечей, сюрприз, чувствовала? Ты с ним в одной масти. Только если он резко рубит снаружи, то ты – внутри. Ты такая же умная, но тебе эту умность не дали реализовать, вот ты ей сейчас мужа режешь. И себя заодно.

– Очень утешительно, – буркнула Алена. – Башня – это что, развод?

– Башня – это когда то, что построено криво и без фундамента, рано или поздно падает, – спокойно ответила Валентина. – Это может быть развод, может быть скандал с полицией, может быть другая баба, может быть болезнь или ка-

кой-нибудь срыв. Вариантов до хрена. Вопрос не в том, что разрушится, а что ты будешь делать, когда оно начнёт сыпаться.

Алена медленно протянула руку к карте Башни. На рисунке – падающее здание, молния, люди летят вниз. Она подумала о вчерашней тарелке, о том, как он хлопнул дверью, о том, как Яна смотрела ему вслед.

– Я не хочу просто ждать, когда оно все упадёт, – тихо сказала она. – Я не хочу потом собирать всё по кускам и вымаливать алименты. Я хочу… не быть жертвой.

– Вот, – кивнула Валентина. – Это уже радует, значит не все в тебе потеряно.

Она переложила ещё несколько карт, добавила одну сбоку.

– Смотри, что тут ещё. Тебе выпадает справедливость. Тебе важно не только орать и плакать, но и мозг включить. Не как «контролирующая мать», как они там любят говорить, а как человек, который понимает, что мир крутится не только на чувствах.

Она подняла взгляд:

– Это не судьба, не приговор. Но тебе показано, что если ты хочешь не утонуть, тебе придётся в какой-то момент не рыдать в тарелку, а начать выстраивать свой план и спасать то, что еще можно спасти.

Алена замолчала и вдруг резко выпалила:

– А вы там, в своих картах, – голос звучал глухо, – видите, как сделать так, чтобы он остался без всего, если решит уйти?

И добавила, почти шёпотом:

– И чтобы он никогда не был счастлив. Ни с кем.

Валентина вздохнула:

—Если ты очень захочешь, то сможешь сделать ему очень больно. Прямо профессионально. Но ты точно уверена, что ты хочешь быть человеком, для которого радость – это чья-то боль?

– А что мне ещё остаётся? – вспыхнула Алена. – Сидеть и ждать, пока он меня выкинет? Он уже почти это сделал. Он уже сказал «от тебя толку никакого». Ты понимаешь? Я ему жизнь свою отдала. Я детей ему родила. Я столько всего не сделала для себя, чтобы быть с ним. И сейчас он будет решать, что на меня можно орать, если тарелка стоит не там

или у него нет воды на тумбочке рядом с кроватью?

Она вдруг всхлипнула, неожиданно для себя.

– Я не хочу быть хорошей. Я хочу быть в безопасности. И чтобы он боялся меня. Хоть когда-нибудь.

Валентина помолчала, дала ей выдохнуть.

–Знаешь, в нормальных семьях ничего страшного нет в том, чтобы сделать так, как приятно мужчине, который обеспечивает твою жизнь и ваших детей. Это не ты ему родила, а вы родили. Это ты сама готова была идти за ним и ждать, когда он поднимется. Сейчас ты все получила, но опять недовольна. Не обижайся, но это похоже на сказку про рыбку, не находишь… Но вы уже зашли слишком далеко в своем конфликте и в стене, которую сами возвели. Я не уверена, что вам можно помочь, я не специалист в этом. Но я дам тебе контакт, о котором говорила. Захочешь – обратишься, нет —просто забудь, может само как-то разрулится.

Валентина чуть сморщилась и продолжила:

–Я не знаю как ее точно охарактеризовать. Она жёсткая сука, хотя внешне этого не скажешь. Об этом не говорят, но я точно знаю, что многие наши к ней ходили. Кто-то вернулся в семьи, кто-то ушёл, но… мало кто проиграл.

Алена вскинулась:

– И ты мне только сейчас о ней говоришь?

– Ты только сейчас спрашиваешь так, как будто готова слушать, – спокойно ответила Валя. – Раньше ты хотела, чтобы я сказала: «бедная Алена, он козёл, ты богиня».

Алена всмотрелась в неё:

– Она за кого? – спросила. – За женщин?

Валентина улыбнулась уголком губ:

– Она за справедливость. В своём понимании. А на чьей стороне она будет – это уже вопрос к ней, как она решит.

Она сделала паузу:
– Она работает через рекомендации. Если хочешь – я дам номер. Не захочешь – просто сожжёшь бумажку.

Алена посмотрела на карты на столе. Башня, справедливость, королева мечей. Все они смотрели на неё, как свидетели.

– Дай, – сказала она. – Я… не обещаю. Но дай.

Валя кивнула, ушла в соседнюю комнату, вернулась с маленьким блокнотом. Аккуратно написала номер, имя.

– Спрячь, – сказала она, протягивая листок Алене.

И добавила, глядя прямо:
– И помни: если ты пойдёшь к ней, это уже не просто «поплакаться». Это ход. Дальше придётся играть.

—Спасибо, я подумаю, —отозвалась Алена, засовывая листок в карман джинс.

В этот момент ей показалось, что по руке поползли мурашки, которые противно отзывались в каждой клеточке её измотанного постоянными скандалами сознания.

Глава 6

Дом встретил Антона тишиной.

Не той, о которой он мечтал в машине, когда думал «я просто хочу тишины», а густой, вязкой, как если бы дом набрал в лёгкие воздух и ждал, кто первый кашлянет.

Алена сидела на кухне, спиной к двери. В руках – кружка, на столе – тарелка с недоеденным бутербродом. В раковине

– уже вымытая посуда. Пол блестел. Детские вещи были сложены аккуратными стопками. Он вошёл – и впервые за долгое время увидел идеальный порядок.

От этого почему-то было не легче.

– Привет, – сказал он, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

– Привет, – не оборачиваясь и так же ровно ответила Алена.

Матвей играл в комнате, судя по звуку машинки, Яна что-то шептала себе под нос – наверняка снова пересказывала куклам их постоянные скандалы.

Он повесил куртку, прошёл на кухню, налил себе воды. Она не шевельнулась. Только пальцы чуть крепче сомкнулись на кружке.

Минуту они сидели рядом в этой странной параллели: две кружки, два человека, которые когда-то целовались в коридорах, а теперь разделяют порцию воздуха, как чужие.

– Мы гулять собирались, – первой нарушила тишину Алена. – Яна просила, чтобы мы вместе все пошли.

Она помолчала и добавила:

– Ты… пойдешь?

Он сжал пальцы на стакане. В груди шевельнулся образ Яны в розовой пижаме: «В ночь?». И ещё – фраза Лены: «Речь сейчас про тебя».

– Хорошо, – выдохнул он. – Надо же иногда видеть своих детей днём.

Она кивнула коротко:

– Тогда через час. Я их соберу.

Он прошел в гостиную, сел в большое кресло, открыл телефон, пролистал рабочие чаты. Ничего не видел. В голове крутились обрывки разговора у Артёма, номер в кармане, Ленины слова про «ещё один вариант». И разбитая тарелка в раковине.

Из детской доносились голоса детей и Алены

– Яна, надень колготки, – говорила Алена.

– Не хочу эти, хочу с принцессами, —ныла Яна.

– С принцессами грязные, я не успела постирать, —слов-

но оправдывалась Алена.

– Тогда я никуда не пойду! —бурчала в ответ дочь.

Минут через сорок Алена вытащила детей в коридор.

Яна вышла в лиловых колготках с ярко-розовыми сердечками, зелёной юбке в горошек и жёлтой куртке. На голове – синяя шапка с помпоном.

Антон уставился на дочь.

– Ты… серьёзно? – вырвалось у него. – Мы так пойдём?

Алена замерла с ключами в руке:

– В смысле?

– В смысле, – он кивнул в сторону Яны, – ты вообще видишь, как она выглядит? Это же… – он поискал слово, – цирк.

– Это её любимые колготки, – устало сказала Алена. – И юбку она сама выбрала. Что тебе не так?

– Не так в том, – он сдерживал голос, – что мы живём не в

бараке. В посёлке, где все друг друга знают. И когда моя дочь выходит на улицу как клоун, это… отражается не только на ней.

Алена моргнула.

– А, вот оно что, – тихо протянула она. – Ты стесняешься, что тебя увидят с некрасиво одетым ребёнком. Не впишешься в картинку.

– Я стесняюсь, что у моей жены нет вкуса, – сорвался он. – И что тебе похрен, как выглядит твой ребёнок.

Он посмотрел на Яну. Та сникла, уставившись на свои колени.

– И да, – добавил он жёстче, – я не хочу, чтобы она думала, что это норма: вываливаться на улицу в любой тряпке.

– Яна, – Алена опустилась на корточки, – иди в комнату, я дам тебе другие колготки и юбку. Папа хочет, чтобы ты переоделась.

Она попыталась улыбнуться дочери.

– Мы с тобой сейчас будем модницами, хорошо?

Яна молча кивнула и ушла. Дверь в её комнату закрылась чуть громче, чем нужно.

Алена выпрямилась, посмотрела на Антона.

– Ты доволен? – спросила она, зло смотря на мужа.

– Я хочу, чтобы ты думала на шаг вперёд, – огрызнулся он. – Чтобы не приходилось в последний момент переодевать ребёнка из балагана в человека. Это… элементарно.

– Элементарно – это заранее прийти домой и помочь, — огрызнулась она. – Но это, видимо, не про тебя.

Он закатил глаза:

– Опять пошло. В чем помочь? В том, что ты не можешь организовать работу горничной и няни, выполнять элементарные дела по дому? Я же тебя не прошу бизнесом рулить. Домом порулить, может быть начнешь хоть немного, чтобы было все так, как положено. Мне кажется, это просто с учетом тех сумм, которые я на вас трачу. И я сказал про вид ребёнка, а ты переводишь на философию.

– Потому что за юбкой всегда что-то ещё, – отрезала она. – Ты не про цвета говоришь, Антон. Ты говоришь: «ты опять

все делаешь не так». И сейчас ты именно это мне все и сказал.

Она выдохнула.

– Ладно. Пошли. Дети уже вспотели тут.

Они всё-таки вышли.

На площадке было людно. Суббота, погода теплая по меркам апреля, родители высыпали наружу вместе с детьми. Те бегали по горкам, кричали, возились с игрушками. Взрослые стояли кучками.

Алена разговаривала с кем-то из местных мам, улыбалась, кивала. Яна довольно крутилась на качелях в своих правильных, по мнению отца, колготках. Матвей сначала носился по площадке, потом дёрнул Алену за рукав:

– Я пить хочу.

Алена растерянно огляделась.

– Чёрт, – прошептала. – Я забыла бутылку.

Алена порылась в сумке ещё раз, как будто бутылка могла появиться от этого.

Антон смотрел на всё это со стороны, и внутри у него поднималась знакомая волна: не из-за воды как таковой, а из-за ощущения, что она вечно «забывает элементарное». Сначала одежда, теперь вода. Потом будут перчатки, завтра – документы.

– Конечно, – тихо процедил он. – Вода – это ж неважно. Главное – вывести детей на площадку.

Алена обернулась:

—Ты можешь просто… не орать?

– Я не ору, – он еле сдерживался. – Я задаю себе один вопрос: как можно выйти с двумя детьми на площадку и не взять с собой воды? Это же… базовый уровень. Ты же не первый день мать.

Его голос всё-таки поднялся на полтона. Несколько мам на площадке обернулись. Кто-то сделал вид, что не слышит, но уже слушал.

Алена сжала губы.

– Могу пойти сама, – сказала она. – Если ты постоишь

здесь с ними и не будешь читать мне лекции при людях.

– Конечно, – усмехнулся он. – Я постою. А ты ещё что-нибудь забудь по дороге. Может, и обратно не вернёшься.

Она посмотрела на него так, что если бы взгляды могли убивать, он упал бы в песочницу прямо сейчас.

– Знаешь что, – тихо произнесла она. – Если тебе так стыдно со мной и с моими «элементарными вещами», можешь вообще не ходить с нами. Сиди в своём идеальном мире с идеальными колготками.

– Отличная идея, – отрезал он.

Он развернулся и пошёл к выходу с площадки. Внутри кипело. Он сам себе казался одновременно правым и отвратительным – плохое сочетание.

В машине было душно, хотя он не успел ещё её прогреть. Он сел, захлопнул дверь, пару секунд просто сидел, сжимая руль.

«Опять, – мелькнула мысль. – Опять она жертва. Опять я мудак. И всё по кругу».

Он включил зажигание, но не тронулся. Достал телефон. Пальцы сами потянулись к контактам. Остановились на одном: «Мама».

Он нажал.

– Сынок, – голос Тамары Николаевны был сухой, но в нём сквозила та особая интонация, от которой он всегда одновременно расслаблялся и напрягался. – Ты где? Живой?

– Живой, – ответил он. – В посёлке. На площадке. Точнее, уже в машине.

– Опять скандал? – без всяки прелюдий спросила мать.

Он усмехнулся:

– Ты как будто подглядываешь.

– Я тебя знаю, – сказала она. – И её тоже. Что на этот раз?

Он коротко пересказал: стейк, посуда, крики, уход, сегодня – наряд Яны, вода, площадка. Опустил только свой внутренний мат.

Тамара Петровна выслушала молча. Слышно было, как

она что-то наливает в бокал. Он почти видел, как она сидит у себя в московской квартире – волосы собраны, на столе ноутбук с открытым сайтом авиакомпании, где она вечно выбирает билеты в Италию.

– Я тебя предупреждала, – спокойно сказала она, когда он закончил. – Помнишь? Ещё когда ты привёл её ко мне первый раз. Я тогда сказала: девочка хорошая, но… не твой уровень.

Она сделала паузу.

– У неё нет тонкости. Ни вкуса, ни манер. Она может быть неплохой матерью, но жена тебе нужна другая. Ты хотел дом, семью – я понимаю. Но ты же всегда был… особенный.

Слово «особенный» в её устах было как наркотик. Он ненавидел и ждал его с детства.

– Мам, сейчас не про «уровень», – попытался он возразить. – Сейчас…

– Всегда про уровень, – перебила она твердо.

Она вздохнула.

– Ты посмотри на то, как она одевает детей, как говорит при людях. Это всё мелочи, но из них складывается картин-

ка. Тебя видят с ней – и судят по ней. Тебе это надо?

Он сжал зубы. В памяти всплыло: «мы живём не в бараке», «я стесняюсь, что у моей жены нет вкуса». Он сам уже говорил то, что сейчас слышал от неё.

– Ты сам выбрал, – продолжала Тамара Петровна. – Я не вмешивалась. Хотя могла бы. Ты настоял. «Я люблю, я знаю». Вот и пожинаешь.

Она немного смягчилась:

– Но, сыночек, это не значит, что теперь ты обязан всю жизнь тащить это на себе. Ты сделал всё, что мог. Ты даёшь ей дом, деньги, статус. А она даже детям воду на площадку взять не может. Это… показатель.

Он молчал. Потому что спорить было сложно. Потому что она говорила то, что он сам себе уже говорил – только другими словами.

– Что мне делать? – спросил он вдруг. Слово «мам» застряло в горле.

На той стороне повисла короткая пауза.

– Если ты хочешь мой совет, – медленно произнесла Та-

мара Петровна, – тебе нужно перестать играть в спасателя. Ты же у меня умный, я знаю, что ты со всем справишься и без моих советов.

И добавила, тихо, почти ласково:

– Ты заслуживаешь нормальной жизни, сынок. Не войны.

«Ты заслуживаешь», – эхом отозвалось в голове. «Они тоже когда-то швыряли тарелки…» – всплыло сверху. «Есть ещё один вариант…» – долетело от Артёма.

Он кивнул, хотя она этого не видела.

– Ладно, – произнес он не то себе, не то ей. – Спасибо тебе, мам.

Он отключился. Несколько секунд сидел с телефоном в руке.

Потом сунул руку в карман джинсов. Бумажка шуршала, как живая. Он достал её, развернул. Цифры смотрели на него спокойно, как будто в них не было ничего особенного.

«Человек, который этим всем рулит», – всплыло из вчерашнего.

В голове мелькнуло:

«Может, выбросить? Жить, как жил. Терпеть, орать, спать в Москве, таскать детей по воскресеньям на занятия и площадки».

Пальцы сами нажали на «Добавить в контакты».

Он написал имя: «Злата». Сохранил. Нажал на трубку.

Гудок. Один. Второй. Третий.

– Алло, – женский голос был удивительно спокойным. Ни вопроса, ни «кто это?» – как будто она всегда знала, кто ей звонит.

Антон сглотнул.

– Здравствуйте, – сказал он. – Меня зовут Антон. Мне рекомендовали к вам обратиться.

– Добрый день, Антон, – ответил ровный и мелодичный голос. – Я слушаю.

Глава 7

Если бы его спросили, о чем он говорил со Златой, он бы не смог повторить. Вернее, он просто не помнил. Он положил трубку и только тогда понял, что разговаривал почти пол

часа, но вот о чем… Он потер лоб пытаясь вспомнить, что он рассказывал. Такого с ним раньше никогда не было, он всегда четко дозировал информацию и знал кому и что можно говорить, даже психологу. А тут… он продолжал массировать лоб, который отдавался тупой болью, как на экране телефона высветилось сообщение:

«Среда, 19:00, кабинет. Адрес: …

Если будет неудобно – напишите».

Антон занес встречу в календарь, пару раз хотел перенести, всё ещё сомневаясь, нужно ли ему что-то радикальное или они с Аленой как-то справятся сами.

***

Алена несколько дней молчала. Он жил в московской квартире, и какое-то время казалось, что это тоже выход, что так тоже можно жить. Однако, в среду, в половине седьмого, он уже поднимался по лестнице старого доходного дома на Остоженке.

Не было никакой вывески. Только аккуратная табличка у двери:

«Кабинет. По предварительной записи».

Он отметил отсутствие вывесок с запоздалым облегчением. Ему сейчас меньше всего хотелось видеть логотипы, бук-

леты и улыбающихся людей в корпоративных поло.

Дверь открыла девушка лет двадцати пяти в простом синем платье с белым воротником и манжетами. Платье было почти закрытым, но сидело идеально. Никаких ярких украшений, только тонкие часы на запястье.

– Проходите, Злата Юрьевна вас уже ожидает, – её голос был ровным, мягким, и радушным, словно его действительно давно здесь ждали и рады видеть. Но в этой мягкости не было ни капли слащавости привычных офисных ресепшенов. Девушка резко отличалась от его секретарш: ни суеты, ни натянутой любезности.

«Интересно, где таких берут, – машинально отметил он с профессиональным любопытством. – Это же готовый фронт-деск для премиального проекта».

– Вам что-нибудь предложить? Чай, кофе, воду? – продолжила она. – У нас прекрасные травяные чаи по нашим собственным рецептам, можете попробовать.

Она говорила, как будто речь шла не о сервисе, а о заботе. Ни одного скрипа в интонации.

– Воду, – коротко ответил он. – Обычную.

– Конечно, – она кивнула. – Прошу.

Холл был небольшим и нарочито простым. Светлые стены без картинок, только одна большая фотография серого города, где нельзя было сразу понять, что это за место. Пара мягких стульев, журнальный столик с аккуратно сложенной стопкой тонких брошюр. На них не было броских слоганов, только строгие названия, из серии «Исследование…», «Практики…».

Пахло не кофе и не ароматизатором, а чем-то едва уловимо травяным, не навязчивым.

– Сюда, пожалуйста, – девушка повела его по коридору. На дверях – маленькие металлические таблички без фамилий, только номера кабинетов.

У двери с неприметной цифрой «3» она остановилась, легко постучала и, приоткрыв, произнесла:

– Злата Юрьевна, к вам пришли, —и отступила в сторону, давая возможность Антону пройти в комнату.

В жизни она оказалась проще, чем он ожидал. Ни дорогих нарядов, ни вычурной внешности: простое тёмное платье,

почти как у девушки на входе, но с более нарядным воротником, собранные волосы, почти без макияжа. Только глаза – очень внимательные, большие, словно на пол лица и слишком спокойные.

– Здравствуйте, Антон, – сказала она так, как будто они уже были знакомы. – Проходите.

Кабинет был большим и при этом почти пустым. Пара кресел, низкий столик с графином воды, у стены – книжный стеллаж без демонстративных «бестселлеров по психологии», больше – специальная литература, которую он всё равно никогда бы не прочитал. На подоконнике – один живой цветок, аккуратный, без буйства.

—Телефон можно оставить в кармане, но перевести в режим «не беспокоить».

Это было сказано без нажима, как рекомендация врача.

Он сел в одно из кресел, почувствовав, как в ровной тишине кабинета обостряется собственное дыхание.

– Как вы добрались? – спросила она.

– Нормально, – ответил он по инерции.

Она кивнула.

– Смотрите, Антон, – начала она без долгих предисловий. – Я не буду сегодня разбирать вашу жизнь по пунктам. Это утомительно и для вас, и для меня, а самое главное, это мало что даёт. Я уже знаю общий контур. Вы взрослый, успешный и перегруженный человек. Дом, где война. Мать, которая всегда что-то знает лучше. Жена, которая давно не та, на ком вы когда-то женились. Так?

Он дернулся: услышать свою схему в таком оголенном виде было неприятно.

– Примерно, – сухо сказал он. – Хотя я бы не стал так упрощать.

– Не будем, – согласилась она. – Просто сейчас важно одно: вы устали. Сильно. И ваш мозг, и нервная система уже давно работают в аварийном режиме. В таком состоянии любые разговоры о «коммуникации», «границах» и «ценностях» – я считаю, издевательством.

Она чуть наклонила голову:

– Вам не нужно, чтобы я объясняла вам, как жить. Вы и так это знаете лучше большинства.

Он молча фыркнул. Приятно, когда хоть кто-то не читает лекции.

– Поэтому, – продолжила Злата, – я не буду сегодня вынимать у вас по кусочку вашу историю. Я предложу вам сначала… выключить шум.

Она кивнула в сторону соседней двери.

– Здесь, при кабинете, есть маленькая комната. Ничего особенного: кресло, плед, звук, который помогает мозгу переключиться, и одна методика, с которой мы сейчас активно работаем. Я не даю её всем. Но в вашем случае она может быть очень полезна.

Пауза.

– Это не гипноз в классическом смысле. Вы сохраняете контроль. Это скорее… управляемый отдых. Сон, в котором у мозга есть шанс отдохнуть от привычного ада.

Он насторожился:

– Вы хотите сказать, что я буду как в кино?

– Нет, – мягко улыбнулась она. – Кино – это слишком гру-

бо. Скорее, вы сами увидите, куда вас тянет, если дать вашей системе хотя бы на час перестать тушить пожары.

Она посмотрела прямо:

– Сейчас вы живёте как человек, который всё время ходит с огнетушителем по горящему дому. Если мы на минуту выдернем вас из этого пространства, вы сможете хотя бы понять, что вы вообще сами хотите.

Она помолчала, давая ему возможность ощутить услышанное.

– Я не обещаю вам сказки. – спокойно продолжила она. Я предлагаю вам эксперимент. Один час. Без обязательств. Если вам не понравится— мы остановимся.

Она чуть улыбнулась:

– Вы бизнесмен. Вы же не вкладываетесь, не протестировав продукт.

Он усмехнулся краем рта. Прямолинейно, но в точку.

– Сколько это длится? – уточнил он.

– Сама сессия – около сорока минут, плюс подготовка и выход. Дальше я попрошу вас какое-то время посидеть в тишине, осмыслить этот новый опыт.

Она чуть наклонилась вперёд:

– Антон, вы можете сейчас отказаться. Вам не нужно ничего доказывать. Но, честно, – в её голосе не было ни давления, ни жалости, – мне кажется, вы уже попробовали всё остальное.

– Почти всё. Но мне говорили, что будут работать с моей женой, а не со мной – хмыкнул он.

– Я не сказала вам про работу с вами. Я предложила вам отдых с возможностью ощутить, что вы сами хотите. А к вопросу с вашей женой мы обязательно вернемся, как только вы чуть-чуть побудете сам с собой, без всяких оценок, суждений и необходимостью кому-то доказывать что-то или кому-то нравиться.

Он задумался на пару секунд. Внутренний скептик шептал про «очередную модную хрень», внутренний уставший мужчина тянулся туда, где хотя бы на час можно не быть ни мужем, ни сыном, ни начальником.

– Ладно, – сказал он. – Один раз – можно.

– Хорошо, – Злата поднялась. – Тогда давайте так: вы сейчас заходите в соседнюю комнату, там уже всё готово. Я зайду через пару минут, когда вы устроитесь.

Комната была и правда простой. Полумрак, одно широкое кресло с подголовником, подобие мягкой кушетки для ног, плед на спинке. Небольшой динамик на тумбе.

Он сел, откинулся. Плечи вдруг ощутили, насколько они деревянные.

Злата вошла тихо, будто соблюдая баланс движения и окружающего воздуха.

– Удобно? – уточнила она.

– Нормально, – опять сказал он привычное.

– Давайте попробуем сделать чуть лучше, чем «нормально», – мягко заметила она, подвигая подушку ему под шею. – Я сейчас включу звук. Это не музыка, это частоты, которые помогают мозгу переходить из режима «бей или беги» в режим «отдыхай».

Она села в кресло в углу, не слишком близко.

– Вам не нужно ничего специально делать.

Пауза.

– Единственное, что я от вас попрошу: если начнут приходить картинки – не пытайтесь ими управлять. Просто смот-

рите.

– Как кино?

– Как сон, – поправила она. – Только с чуть более ясной памятью после.

Звук включился почти незаметно. Не музыка – действительно, какая-то ровная, тёплая вибрация, на которую сначала не обращаешь внимания, а потом вдруг понимаешь, что дышишь иначе.

Антон сначала ничего не чувствовал и уставившись в потолок, упрямо считал трещины по старой штукатурке. Потом трещины поплыли. Тяжесть в теле стала странной – не как от алкоголя, не как от недосыпа. Мозг вяло пытался держаться за рациональное: «частоты, методика, фигня», – и в какой-то момент просто отпустил.

***

Сначала пришла тишина.

Не такая, как в его московской квартире – глухая, бетонная. И не вязкая, как в доме после ссор. Это была живая тишина: как бывает рано утром в незнакомом месте, когда все ещё спят, а ты уже проснулся.

Он стоял… нет, не стоял, просто был – в кухне. Светлой. Не их с Аленой. Другой.

Большое окно во всю стену. За окном – город, но не тот, что он привык видеть: не Москва с кольцами и пробками, а какой-то собранный пейзаж из идеальных фильмов про Европу: красные крыши, зелёные кроны, блеск воды где-то далеко.

На столе – две чашки. Одна уже наполовину пустая, на одной – след от губной помады. Вторая – его. Кофе пах так, как он себе всегда представлял для «правильного утра», но редко получал.

В квартире было чуть прохладно. Он чувствовал это кожей – тонкая футболка, босые ноги на тёплом полу.

– Ты проснулся, – раздался за спиной голос.

Женский голос. Не Алёы.

Он обернулся – и не обернулся; сон странно нарушал привычную механику. Просто в следующий момент перед ним уже была она.

Её лицо он не мог потом описать детально. Не модель,

не какая-то актриса. Просто женщина, в которой всё было… уместно. Русые волосы, тонкая линия шеи, мягкие, от тёплого света чуть прищуренные глаза. В этих глазах не было ни упрёка, ни требовательности. Только простое: «ты здесь, и это хорошо».

Она подвинула его чашку ближе, как будто знала, что он всегда забывает, какая чашка его.

– Ты соня, – сказала она с улыбкой. – Я уже подумала, что ты пол дня будешь спать.

Он хотел было оправдаться – автоматическое «встреча затянулась», но вдруг понял, что здесь… не нужно.

Она что-то говорила так, как будто у него в календаре было свободное окно на целый день. И это почему-то не казалось фантазией, не требовало от него срочно полезть за телефоном и выдернуть ассистента.

Где-то в глубине сознания мелко скреблось: «а дети? а дом? а Алёна?», но в этом сне у этих слов не было веса. Как будто где-то, в другой жизни, это всё было, но здесь – нет.

– Хорошо, – услышал он собственный голос.

Он сел за стол. Она налила ему ещё кофе, мягко коснулась плеча – не требовательно, а как будто проверяя, на месте ли он.

Он вдруг осознал, что не ждёт удара. Не ждёт, что сейчас кто-то зайдёт и начнёт: «почему ты», «сколько можно», «а я».

Ему ничего не предъявляли. Ни за поздние ночи, ни за бессистемный график, ни за «уровень» кого бы то ни было.

– Тебе хорошо? – спросила она так просто, как будто спрашивала: «ты наелся?».

Он хотел ответить: «Да», но слово застряло в горле. В это «хорошо» вдруг полезли обрывки. Яна в пижаме: «В ночь?». Аленин крик. Мамино «ты не того уровня жену выбрал».

И на секунду в этом светлом утре что-то закололо, словно осколок разбитого стекла попал в сердце и теперь оно кровоточит.

– Нормально, – глухо произнес он.

Она тихо усмехнулась, наклонилась ближе:

– Тут либо плохо, либо хорошо. Остальное – самообман.

Он хотел возразить, но в этот момент из динамика – откуда-то сверху – полился знакомый уже звук: тот самый тёплый гул, с которого всё началось. Звук набирал громкость, накладываясь на её голос, на запах кофе, на свет из окна.

Мир кухни чуть дрогнул, как картинка на мониторе, который кто-то собирается выключить.

– Ты придёшь ещё? – спросила она вдруг, глядя прямо.

Он не понимал, спрашивает ли она о сегодняшнем вечере, о жизни вообще или о следующем сне. Но кивнул.

– Приду, – ответил он.

***

Он открыл глаза резко, как человек, который боялся, что не успеет вдохнуть.

Потолок. Тот же. Комната. Кресло. Плед сбился на одну сторону. Руки чуть дрожали.

– Всё в порядке, – голос Златы прозвучал негромко. Она всё это время сидела в том же кресле в углу, никуда не ухо-

дила. – Не спешите вставать.

Он попытался вдохнуть глубже. Воздух кабинета пах не кофе, а чем-то нейтральным, стерильным.

– Сколько прошло? – спросил он, глядя в потолок.

– Около сорока минут, – ответила она. – Как вы?

Он замолчал, прислушиваясь к себе. Сейчас любое слово казалось предательством. Если он скажет «ничего особенного» – будет врать. Если скажет «хорошо» – признает, что ему там было лучше, чем «здесь».

– Странно, – наконец произнёс он. – Как будто… я выспался за неделю. И одновременно – как будто откуда-то… выгнали.

– Это нормальное ощущение, – кивнула Злата. – Мозг не привык, что ему дают прожить что-то не по привычному сценарию. Он держится за старое.

Она чуть наклонила голову:
– Там было место, где вам было спокойно?

Он увидел перед собой окно, красные крыши, глаза жен-

щины над чашкой.

– Да, – коротко сказал он.

– Это важная точка, – отметила она. – Ваш мозг её нашёл сам. Без подсказок.

Пауза.

– Антон, я не буду сейчас требовать, чтобы вы что-то «анализировали». Я только попрошу вас одно: сегодня не делайте резких движений. Не принимайте никаких судьбоносных решений, не выясняйте отношения, не лезьте в тяжёлые разговоры. Позвольте этому опыту чуть-чуть осесть.

Он сел, медленно, чувствуя странную лёгкость в голове и тяжесть в груди.

– И… что дальше? – спросил он. – Мы будем повторять?

– Это зависит от вас, – ответила она. – Я бы рекомендовала ещё пару таких сеансов, прежде чем мы вообще полезем в вашу историю. Сейчас любой разговор о вашей жизни будет проходить через старый фильтр.

Она чуть улыбнулась:

– А сегодня – просто дайте себе право на отдых и вечер

без выяснений кто прав и кто виноват. Если сможете.

Он усмехнулся:

– Это вы сильную задачу ставите.

– Я ничего не ставлю, – спокойно сказала она. – Я просто предлагаю.

Он встал, взял куртку. Телефон вибрировал в кармане: три пропущенных от Алёны, одно от матери, два – от ассистентки. Обычная жизнь накатывала обратно.

– Спасибо, – выдавил он, сам не зная, за что именно.

– До встречи, Антон, – сказала Злата. Не «если решите», не «подумайте». Как факт.

Выйдя на улицу, он постоял, смотря на людей, которые спешили мимо: все уставшие и с тусклыми глазами, в которых не было ничего.

Он остановился у машины, закрыл глаза на секунду. Внутри всё ещё теплился остаточный вкус того кофе, которого никогда не было.

«Приду ещё?» – вспомнились слова женщины из сна.

Он снова посмотрел на экран телефона и не стал перезванивать ни Алёне, ни матери. Если что-то срочное, напишут, а слышать упреки и нравоучения, ему сейчас не хотелось.

Он убрал телефон в карман, сел за руль и впервые за долгое время ехал с лёгким, почти детским ожиданием: как будто где-то, по ту сторону знакомой Москвы, его уже ждали в кухне с большим окном.

Глава 8

Когда за Антоном закрылась дверь, кабинет снова стал тем, чем был всегда: прямоугольником воздуха, в котором ничего лишнего.

Злата несколько секунд сидела неподвижно, глядя на пустое кресло напротив. Она любила эти минуты – промежуток между «был» и «уже ушёл», – когда пространство ещё помнит позу, звук голоса, мимику, несказанные и сказанные переживания.

Она как будто впитывала это, позволяя себе на секунду соединиться с каждым, кто бывал тут. Она становилась их «я» – настолько, насколько это было нужно для работы. Это

давало ей главное: возможность видеть глубже и знать больше, чем они сами. Это позволяло быть выше. Указывать, что и кому делать. Быть той, от кого зависят.

И ей это нравилось. Нравилось, как на неё смотрят, как к ней тянутся, как ждут её слова – иногда единственного, которое вдруг меняет ход чьей-то жизни. Нравилось сидеть над всем этим человеческим хаосом и решать: кому – остаться, кому – выйти, кому – дать шанс, а кому – мягко закрыть дверь.

Это было то, к чему она шла много лет: неприметная фигура в тёмном платье с большим белым воротником, внешне слабая женщина, которая держит за яйца столько народу, что её картотека личных дел давно ведёт счёт не на тысячи. Её счета в банке пополнялись стабильно, без шума и лишнего света. Все были довольны: кто-то получал «новую жизнь», кто-то – удобного партнёра, кто-то – просто возможность больше не думать. А она этим руководила. Женщина без тени и без лица, которое можно было бы узнать на улице.

Она протянула руку к столу, повернула к себе тонкий ноутбук. Экран загорелся уже открытым окном протокола. «Пациент: Антон Селихов, 39 лет»

В этот момент телефон на столе коротко завибрировал –

внутренний звонок без определения номера, только пометка: «Свои. Срочно». Это был условный знак: требуется её подключение. Чёткий регламент работы позволял вовремя реагировать на любой нестандартный случай.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.